

Ильина Светлана Анатольевна

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО)

В статье речь идёт о феномене юродства и его месте в русской культуре. Основное внимание уделяется раннему творчеству С. Н. Сергеева-Ценского, анализируется обращение автора к образу героя-юродивого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 73-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Ивашенко Я. С.** Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры). Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. 290 с.
7. **Кабо В. Р.** Круг и крест: размышление этнолога о первобытной духовности. М.: Вост. лит., 2007. 328 с.
8. **Колесникова В. Д.** Словарь эвенкийско-русский и русско-эвенкийский. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1989. 256 с.
9. **Кочешков Н. В.** Типология традиционной культуры народов Северо-Восточной Азии (XIX - середина XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 168 с.
10. **Кривошапкин А. В.** Эвены. СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1997. 79 с.
11. **Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем. З. Д. Титовой. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
12. **Мазин А. И.** Быт и хозяйство эвенков-ороченов (кон. XIX - нач. XX в.). Новосибирск: В. О. «Наука», 1992. 154 с.
13. **Муйтуева В. А.** Традиционная пища алтай-кижи (обряды и представления). Томск: Издательство Том. ун-та, 2007. 158 с.
14. **Отчет по исследованию Амгунь-Амурского района в 1909 году** // Государственный архив Хабаровского края. Ф. И 238. Оп. 1. Д. 1.
15. **Отчет производителя работ Г. Рубинского по исследованию района реки Амгуни в 1907 году** // Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1181.
16. **Петров А. А.** Лексика духовной культуры тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны): монография. СПб.: Образование, 1997. 175 с.
17. **Подосинов А. В.** Ex oriente lux!: ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М.: Язык русской культуры, 1999. 720 с.
18. **Роббек В. А.** Словарь эвенко-русский и русско-эвенкий / В. А. Роббек, Х. И. Дуткин, А. А. Бурыкин. Л.: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1988. 263 с.
19. **Сем Т. Ю.** Образы сакрального времени в шаманизме тунгусоязычных народов Сибири и Дальнего Востока // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. всерос. науч. конф. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. Сер. Мир культуры, истории и философии. С. 121-125.
20. **Туголуков В. А.** Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.
21. **Тураев В. А.** Хозяйственно-культурная дифференциация коренных народов Дальнего Востока в исторической ретроспективе // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России: сб. науч. тр. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 9-35.

NATURAL AND SOCIAL-CULTURAL CONTEXTS AS THE FACTORS OF TUNGUS CHRONOTOPE FORMATION

Yana Sergeevna Ivashchenko, Ph. D. in Culturology, Associate Professor

*Department of Culturology
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
iva_ya@mail.ru*

In the article the process of the formation of the traditional calendar of Evenks and Evens in the course of their material-practical activity and also its transformation as the result of mastering different areals and inter-ethnic contacts are considered. It is shown how the units of household chronology which got symbolic filling formed the coordinated and hierarchically ordered spatial-temporal structure.

Key words and phrases: traditional household; way of life; space; time; calendar; categories; ideas; chronotope.

УДК 82.09

В статье речь идёт о феномене юродства и его месте в русской культуре. Основное внимание уделяется раннему творчеству С. Н. Сергеева-Ценского, анализируется обращение автора к образу героя-юродивого.

Ключевые слова и фразы: русское юродство; русская культура; русская литература; С. Н. Сергеев-Ценский; национальная самобытность русского человека; духовный потенциал русской культуры.

Светлана Анатольевна Ильина, к. филол. н., доцент
*Кафедра русской филологии
Тамбовский государственный технический университет
vaska24@yandex.ru*

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО)©

Социальный и психологический феномен юродства - предмет дискуссий специалистов самых разных областей: о нем рассуждают богословы, религиоведы, философы, культурологи, лингвисты, литературоведы. Научный интерес к этому явлению возникает в 19-20 вв. В определённой степени он обоснован активным

творческим осмыслением этой проблемы писателями, художниками, композиторами 19 в. Количество научных исследований, посвященных русскому юродству, и мастерских художественных воплощений образа юродивого значительно. Тем не менее, интерес к этой теме не ослабевает. «Озорство это или своенравность? Легкомысленное расположение духа или глубокомысленное символическое поведение? Простое человеческое коварство или погружение в животное скудоумие? Игра это или всерьез? Всечеловеческое или божественное? Запрещать это или воспринимать с благоговением? Мирская ли это болезнь или божественный знак?» - эти вопросы, сформулированные И. А. Ильиным [3, с. 85], по-прежнему остаются дискуссионными.

Чем же вызван неослабевающий интерес к данному явлению? Может быть, дело в той манящей загадочности, которой окружено всё специфически русское - русская душа, русский характер, русская идея... Ведь юродство, пришедшее на Русь из Византии вместе с христианством, начиная с 14 в. стало исключительно русским явлением (в современном греческом языке нет слова «юродство»), вышедшим впоследствии за пределы религиозной сферы и на протяжении веков существующим как культурное явление.

В древнерусском языке слов «юрод» стало известно уже с XI века (русская, восточно-славянская форма *урод-*, где *у-* - приставка, которая обозначает «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение», а *-род-* - тот же самый корень, что и в словах «род», «родить» [7, с. 461]). «Церковнославянский *юрод* = русскому произношению *урод*: таков уродился. Духовный изгой, изгой добровольный. Как слово *изгой* общего корня со словами *жизнь*, *житие*, *живот* (древнее чередование звуков в корне *goi*: *гой еси*, *добрый молодец!*), так и наше слово восходит к корню *род*. Юродивый живёт вне рода как особый его вид, имеющий вид личины», - поясняет В. В. Колесов [4, с. 200].

Показательно, что в других славянских языках слово «юродивый» отсутствует, и если употребляется, то как русское слово.

На протяжении столетий юродивые Христа ради играли в русском обществе значимую роль: мнением их дорожили, а поведением интересовались даже цари и вельможи; индивидуальный подвиг юродивых не единожды превращался в общественное служение.

С конца 17 века юродство в качестве способа религиозного подвижничества перестает быть востребованным светской культурой. Однако такое положение дел ничуть не мешает идее юродства занять определенную нишу в русской культуре, став одной из составляющих особенностей русского национального характера. Запад, не понимающий юродства, тем не менее признает его как отличительную черту национальной самобытности русского человека.

Именно сугубая «русскость» данного феномена привлекла к нему особенное внимание писателей 19 века. По меткому замечанию Б. И. Бурсова, интерес к юродству проявлял каждый большой русский художник [1, с. 132]. В самой деле, образ юродивого воплощен в произведениях А. С. Пушкина, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. замечательных авторов.

Юродство, осмысленное как культурная и национальная категория, характерно и для культуры 20 в., где оно бытует как метафора национальной самобытности, а также как отличительная особенность национальной психологии.

Материал для изучения феномена юродства в литературе начала 20 века дает творчество С. Н. Сергеева-Ценского. Интересно, что писатель со сложившимся в советском литературоведении имиджем «атеиста, <...> писателя, окончательно порвавшего с «реакционными» традициями и тем более религиозным духом старой, царской России» [6, с. 4-5], весьма бережно обращается с образом героя-юродивого, не разрушая его религиозно-нравственной основы.

Юродивые органично вписаны в галерею лиц и типов, оживающих на страницах произведений этого писателя: «Кажется, нет такого рода занятий, представителей которых не вывел бы Сергеев-Ценский в том или ином своем произведении. Кого-кого только не увидит читатель на страницах его книг!», - отмечал Н. Любимов [5, т. 12, с. 516]. Характерно, что ни в одном из произведений Ценского образ юродивого не становится центральным. Напротив, такие персонажи возникают эпизодически, что, впрочем, нисколько не мешает реализации идеи юродства Христа ради. Именно эти неприметные действующие лица во многом способствуют раскрытию авторского замысла во всей его многогранности.

Образ юродивого появляется в поэме «Лесная топь» (1905) - произведении, в котором, по признанию автора, использованы его наблюдения над крестьянской жизнью в Тамбовской и Рязанской областях.

Писатель противопоставляет слова «юродивый» и «урод», и противопоставление это показательно весьма неравномерной частотностью их употребления: «урод» используется в тексте произведения 15 раз и 8 раз - производные от него (уродливый, уродина, уродство); «юродивый» же звучит в тексте только один раз, - и это весьма символично: противопоставляя данные лексемы, автор создает мощную антитезу, играющую в поэме немаловажную роль.

Обратимся к контексту, в котором используются данные лексемы.

Слово «урод», «уродина» чаще всего звучит в речи главной героини Антонины. Так она называет рожденную ею девочку, лицо которой было обезображено родимым пятном. По этой причине мать обрекает младенца на гибель - бросает в горящем доме. На преступление её толкает гордыня (согласно христианской традиции, главный грех, от которого происходят все остальные): «Да я, может, не хочу терпеть!.. - говорит она деревенским бабам. - Не за что меня наказывать! Не хочу терпеть, вот и все! <...> Не могу терпеть, вот и все!» [Там же, т. 1, с. 225]. Это деяние будет мучить её всю жизнь, однако раскаяния не последует, хотя героиня и будет пытаться искупить этот грех.

«Питимью» [Там же, с. 236] (как выражается Антонина) она накладывает на себя сама, встретившись ещё с одним «уродом» - сторожем Зайцевым, обезображенным страшной болезнью. Впервые увидев его, Антонина

«всплеснула руками, ахнула и откачнулась» [Там же, с. 227]. Тем менее, всего через несколько дней она вступает с ним в интимную связь. Только Зайцеву Антонина признается в убийстве младенца. Почему именно ему? Видимо, она ждет от сторожа поддержки, своего рода одобрения, поскольку уж он-то как никто другой знает, что такое жизнь под личиной уroda. Когда-то «разбитой и ловкий» мужчина, наслаждавшийся полной и красивой жизнью, ныне превратился в изгоя, физического убожество которого ужасает каждого... Однако услышав признание молодой женщины, он сначала мычит не то «сочувственно», не то «недоуменно», потом долго молчит, и наконец говорит: «Это ты нехорошо... <...> Грех!». Нельзя лишать жизни за физическое несовершенство, ведь и уродливый человек может быть счастлив; вспомним, как преобразается сторож, сблизившись с Антониной. И на самоубийство его толкает не внешнее уродство, а Антонина, убившая его своими словами: «Нет у меня к тебе никакой жалости, ни капелюшки, пропадай ты пропастью, уродина проклятая <...>» [Там же, с. 236]. Словом можно убить, словом можно спасти... Антонина убивает Зайцева, и она отчетливо осознает это, встретившись со старым слепым Стратоном: «- Сам себя никто не вешает: люди вешают, - строго объяснил он» [Там же, с. 261].

Как ни странно, Слепота позволяет старцу видеть больше, чем зрячему - он видит *суть* человека. Наверняка, Стратон увидел бы и в Зайцеве то, благодаря чему «жили в нем все звуки других колоколов, как искры в хорошей стали» [Там же, с. 226], подсказал бы, в чем его жизненное предназначение, так, как он поведал это о слабоумном Тише: «Благодать это у вас в доме, а не наказание, - осенение божие... Человеческий разум бог отымает - свой дает, - верно, родимые. На него не смотри, что сидит да молчит, - он смыслит... Мы вот по краюшку ходим, а он в самой глубине сидит, все видит» [Там же, с. 261].

Слепой первый и единственный раз в поэме произносит слово «юродивый», когда рассказывает о Миколушке, проводя четкую параллель с Тишей. Урок, который преподносит юродство и который так хорошо усвоен Стратоном, - это мысль о том, что видимое глазу на самом деле обман, а истинная суть вещей кроется гораздо глубже. Возможно, если бы Антонине открылась эта простая истина раньше, младенец был бы жив, сторож не лишил бы себя жизни, и судьба этой многострадальной женщины сложилась бы иначе.

Однако героине уготован иной путь, поскольку она, по словам автора, кликуша. Кликушество противоположно юродству. Причину его видели в одержимости, в том, что человеком овладела нечистая сила, тогда как юродство, напротив, предполагает провидение человеком высших, светлых сил. «Порченная» шишигой лесной, Антонина ищет спасения, но не может найти его. Почему? Видимо, потому, что, бунтуя против устоявшейся морали, стараясь вырваться из «топи», она отказывается от смирения (вспомним еще раз ее слова: «Не хочу терпеть, вот и все!»). Не случайно в I главе появляется зимородок, который «долго сидел неподвижно и задумчиво. Потом вдруг пугово свистнул и замелькал над водой» [Там же, с. 210]. Этот момент представляется весьма символическим. Зимородок - птица с синим опереньем, синий же цвет является тем цветом, который часто рассматривается как символ всего духовного [9, с. 947]. В христианском искусстве синий символизирует набожность, искренность, благоразумие [8, с. 361], считается цветом терпения. Зимородок улетает, как бы предвещая, что Антонина не сможет стать на тот благочестивый путь, который, как кажется в начале поэмы, предназначен ей.

Антонине не дано постичь внутренней сути окружающих ее людей, она замечает только внешнее; даже то, что кроется на дне собственной души, она не может (или не хочет?) рассмотреть. Не потому ли так взволновали ее слова слепого?

«- А какая я есть? - спросила вдруг Антонина.

Слепой обернул в ее сторону лицо.

- Ты-то? - Он пожевал губами, брезгливо сморщил брови и ответил: - Ты - бесстыжая... На позор тебе надо!» [5, т. 1, с. 263].

Обратим внимание: слепой **брезгливо** морщит брови... Этот момент напоминает другой - мужикам было **гребостно** здороваться с Зайцевым за руку. Отношение мужиков к сторожу и Стратона к Антонине сходно: первых отталкивает уродливая внешность, второго - внутренняя суть, которую он воспринимает как уродливую. Не потому ли так неприятно Антонине внешнее уродство других людей, что она подсознательно видит в нем отражение своей «порченной» души?

Как видим, затронутая в поэме тема юродства, параллель между словами «урод» и «юродивый», позволяет взглянуть на систему ценностей главной героини под особым углом, раскрыть ее мировоззренческие установки, что позволяет глубже оценить этот образ. Прием антитезы помогает разграничить добро и зло, истину и заблуждение, позволяет наметить возможный путь нравственного совершенствования личности.

Более глубоко понять образ ещё одного героя - «странного» мальчика Павлика Каплина, героя поэмы «Валя» (1913) - также помогает образ юродивого.

Павлик Каплин - тринадцатилетний мальчик-калека - погружен в не по возрасту серьезные размышления о жизни и смерти, о красоте и безобразии. В сознании подростка возникает абсурдная и кощунственная идея о «патологии» Бога: «Мыслю бога, как существо имманентное и в основе своей больное. Если бы не был болен бог, - не был бы болен мир» [Там же, т. 7, с. 272]. «Мыслю бога»... Павлик не верит в Бога, он только его «мыслит»... Видимо, не случайно мальчик не находит ответы на мучающие его вопросы у служителей культа («К схимнику в монастырь верст за тридцать ходил Павлик, чтобы решить при его помощи какие-то свои вопросы (не решил)» [Там же, с. 271]). Изнуренный физическими страданиями, по-детски обиженный на Бога, мальчик не понимает, что есть вера.

Однако мрачные воззрения, опутывающие душу Павлика, не скрывают от юродивого Степыньки светлую сущность мальчика: «Когда встречал Павлика, уж так бывал ему рад, как своему, и все, улыбаясь, нежно гладил его по спине корявой рукой» [Там же].

По словам писателя, Степынька жил «как божья птица» [Там же]. Такое сравнение отсылает к евангельской традиции: Господь учит смотреть на птиц как «на образ спокойной беззаботности при отеческом промыслении

Божем о нас» [2, с. 427]. «Взгляните на птиц небесных, они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26). Символичным кажется поклонение Степыньки Николе-угоднику - этот святой считается покровителем моряков, купцов и *детей* (!); кроме того, Николай Чудотворец - избавитель от напрасной смерти (вспомним: Павлик едва не погиб под копытами бешено мчавшейся белевской тройки). Благо-расположение юродивого к подростку символически указывает на то, что «поворот к ясности, смеху и здоровью» [5, т. 8, с. 237] в судьбе юноши возможен - и это происходит во второй части «Преображения России».

Как видим, в произведениях С. Н. Сергеева-Ценского отражается религиозная и общественная функции юродства в начале 20 века. Писатель относится юродству как к особому способу постижения истины. Его герои-юродивые приближают читателя к пониманию сути, это один из способов явления истины в мир.

Феномен юродства занимает немаловажное место в духовном поле русской культуры. В обращении русских писателей, в том числе и С. Н. Сергеева-Ценского, к теме юродства, видится интерес не только к духовным основам православия, но и к национальной психологии, поскольку юродство - это специфически русский способ достижения истины. Несомненно, в русской литературе XIX - начала XX веков был накоплен мощный духовный потенциал русской культуры, выходящий далеко за рамки литературы.

Список литературы

1. Бурсов Б. И. Личность Достоевского. М., 1979. С. 132.
2. Ильин И. А. Собр.соч. М., 1997. Т. 6: в 3 кн. Кн. 3.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
4. Никифор (Бажанов) арх. Иллюстрированная библейская энциклопедия. М.: Эксмо, 2008.
5. Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда; Библиотека «Огонек», 1967.
6. Хворова Л. Е. Эпопея С. Н. Сергеева-Ценского "Преображение России" в культурно-аксиологической парадигме русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2000.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М: Медиа, 2007. Т. 2.
8. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, 2003.
9. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н. А. Истомина. М.: АСТ, 2003.

PHENOMENON OF AFFECTED FEEBLE-MINDEDNESS IN RUSSIAN CULTURE (BY THE MATERIAL OF S. N. SERGEEV-TSENSKII'S WORKS)

Svetlana Anatol'evna P'ina, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*Department of Russian Philology
Tambov State Technical University
vaska24@yandex.ru*

The article tackles the phenomenon of affected feeble-mindedness and its place in Russian culture. Special attention is paid to S. N. Sergeev-Tsenskiï's early creativity; his address to the image of a feeble-minded hero is analyzed.

Key words and phrases: Russian affected feeble-mindedness; Russian culture; Russian literature; S. N. Sergeev-Tsenskiï; Russian man's national originality; spiritual potential of Russian culture.

УДК 72.033/034(4)"14/16"

Статья раскрывает особенности взаимопроникновения элементов отдельных жанров (замкового, культового, гражданского) зодчества и его последующую трансформацию в регионах средневековой Европы. Особое внимание в работе автор акцентирует на особом влиянии военно-рыцарской архитектуры - замках на другие виды зодчества в условиях европейской раздробленности и постоянных военных конфликтов.

Ключевые слова и фразы: культурно-историческое; замок; феодализм; рыцарская культура; церковное и гражданское зодчество; особенности; Средневековье.

Евгений Витальевич Килимник, к. искусствоведения
Кафедра гуманитарного и социального образования
Уральский институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Екатеринбурге
kilimnik_06@mail.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАМКОВОГО ЗОДЧЕСТВА, ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РЕГИОНАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ©

Несмотря на особенную оборонную культурную специфику укрепленного замка, сразу выделившего его из других архитектурных жанров, в нем можно периодически проследить отпечатки, правда, незначительные, других архитектурных форм, в частности элементы церковной архитектуры. С другой стороны, и сам